

ЛАВРЕНТЬЕВ, Павел Сергеевич. - писарь второго класса Орской инженерной команды. (ГАОО, ф.172, оп.3, д.211).

"Это был человек, не получивший никакого образования, но своим развитием всецело обязанный самому себе. Он любил литературу, видимо увлекался ею и каждый день уделял книге частицу свободного времени. Не мудрено поэтому, что лишь только Шевченко появился в крепости, как между ним и Лаврентьевым завязались добрые отношения, не прекращавшиеся до самого похода 5-го линейного батальона в степь". (Из воспоминаний А.О.Лаврентьевой в записи А.И.Матова). По словам жены Лаврентьева, поэт с ее мужем "вместе читали, спорили и гуляли по крепости", отправлялись в степь, где он "находил удовлетворение своему наболевшему чувству разлуки с Украиной"; впоследствии, как вспоминала Лаврентьева, "были у мужа и карандашные наброски, исполненные Тарасом Григорьевичем, и стихотворения, где степь играла не последнюю роль".

До конца своей жизни П.С.Лаврентьев жил в Орской крепости, где долго служил чиновником (кондуктором). После его смерти упомянутые рисунки и стихи исчезли бесследно.

ЛАВРЕНТЬЕВА, Агафья Осиповна. - жена П.С.Лаврентьева. (ГАОО, ф.172, оп.3, д.211).

С ее слов собиратель материалов о Шевченко А.И.Матов в 1896 г. записал едва ли не самые ценные из собранных им от современников поэта сведений о пребывании его в Орской крепости.

Правда, возраст рассказчицы (семьдесят лет) и почти полувековая отдаленность событий не могли не отразиться на точности воспоминаний ("все лица у нее как-то перемешались"), но многое память сберегла, и это, сохраненное, представляет несомненный интерес.

Кроме фактов, приведенных выше (в статье о П.С.Лаврентьеве), ей и ее сестре принадлежит честь воспроизведения по личным воспоминаниям и тогдашнего портрета Шевченко, и солдатских его досугов (в частности, пристрастия к "веселой охоте"), и внимания к детям Лаврентьевых, с которыми он охотно "шутит и беспечно играл" (а семилетнего мальчишку обучал грамоте), и еще одного эпизода, связанного с рисованием, когда Шевченко "быстро набросал расположившуюся около самовара группу" и тут же подарил рисунок кому-то из запечатленных.

Первая публикация рассказа Лаврентьевой была осуществлена А.И.Матовым в газете "Камско-Волжский край" (Казань, 1897, №№ 307, 313, 318).

ЛАВРОВ, Арсентий Михайлович. - младший лекарь Раимского лазарета, титулярный советник. (ГАОО, ф.6, оп.10, д.5999).

В дальнейшем Лавров - лекарь 2-го (ГАОО, ф.173, оп.11, д.195), а затем 1-го Оренбургского линейного батальона в Уральске. ("Адрес-календарь Оренбургского края на 1854 год", стр.250).

Лавров пользовал Шевченко как врач - в частности, с 10 по 30 августа 1848 года, когда поэт страдал головной болью. (ГАОО, ф.6, оп.10, д.2).

По воспоминаниям Э.Нудатова, записанным Д.Клеменсовым, в Раиме Лавров являлся "одним из наиболее близких друзей" Шевченко.

Убедительным подтверждением этого является письмо Лаврова с припиской Шевченко - иными словами, их совместное письмо общему знакомому А. И. Макшееву. Письмо опубликовано в книге "Т. Г. Шевченко в спістолярії" ("Наукова думка", К., 1966, стр.16-17); к сожалению, фамилия автора искажена (напечатано - Лаврин). Датированное 26 марта 1849, оно дает достоверное представление

о жизни Раима в период, когда там находился Шевченко. "Я уже два месяца как оставил свою резиденцию Кос-Арал..." - гласила приписка к этому письму. (VI, 56).

На наш взгляд, не без влияния возникшей дружбы с Т. Шевченко родилось в Лаврове желание "с открытием весны отправиться в море с Бутаковым"; об этом он ходатайствовал через начальника укрепления (в публикации - "управления") перед командиром Отдельного Оренбургского корпуса. Разрешения не последовало, так как, по имеющимся материалам, в плавании 1849 Лавров не участвовал.

Шевченко, как можно предположить, рисовал портрет Лаврова (портрет не сохранился). В упомянутых воспоминаниях Нудатова сообщается о шевченковской карикатуре, запечатлевшей приятеля-врача среди ухажеров дочери чиновника Цыбисова. Об этом дружеском шарже нам известно лишь по свидетельству современника.

ЛАДЫЖЕНСКИЙ, Михаил Васильевич. - генерал-майор, председатель Оренбургской Пограничной комиссии, с декабря 1853 - комендант Оренбурга.

Родился в 1803 году в дворянской семье Смоленской губернии. В 1819 вступил в службу. В 1820 - прапорщик, в 1821 - подпоручик. По окончании Санкт-Петербургского училища коноводов - поручик (1823). Штабс-капитан - в 1828; к этому времени отличился в составлении генеральной карты Валахии, Болгарии и Румынии. Затем - участие в русско-турецкой войне, отличия в боях,

за что получал ордена и чины. В 1829 - подполковник, в 1833 - полковник. В это время служба его протекала, в основном, на востоке Российской империи, в Сибири, где он выполнял многосложные обязанности и поручения по квартирмейстерской части и управлению территориями. Исполнял обязанности Тобольского гражданского губернатора. В 1844 Ладыженский был назначен председателем Оренбургской Пограничной комиссии с производством в генерал-майоры. (Госархив Казахстана, ф.4, оп.1, д.2298).

"Русский по рождению и православный по вере, Михаил Васильевич привез с собою поляков, вероятно служивших с ним в Сибири, а они в свою очередь вызвали своих сородичей из западных губерний, и канцелярия комиссии обратилась в польское учреждение..." ("З аписки генерал-майора И.В.Чернова", стр.136).

Среди поляков, прибывших с Ладыженским, можно назвать, например, друга Шевченко Аркадия Венгржиновского. Но если учесть, что из Тобольска приехал и украинец М. М. Лазаревский, то нельзя не усмотреть в приведенной характеристике известной тенденциозности. Более правильным представляется вывод о том, что Ладыженский собрал под своим началом многих достойных представителей молодой интеллигенции.

О личном знакомстве Т. Шевченко с самим Ладыженским свидетельствует письмо Ф. Лазаревского к брату Александру, написанное в 1886: "Из близких Шевченку людей. того времени, когда он приехал в Оренбург, я один остался в живых. Брат Михайло, Левицкий, Ма йдель, Ладыженский., Бутаков, Поспелов, Герн, Матвеев - в могиле". (ИЛ, ф.1, д.308; подчеркнуто всюду нами).

В воспоминаниях и переписке это имя встречается нередко. Именно к Ладыженскому пришел взволнованный Ф. Лазаревский после первого посещения им только что доставленного в Оренбург Шевченко. "Ладыженский был начальником гуманным не по тогдашнему в ремени. Очевидно, он понял порыв молодого увлечения и деликатно-снисходительно охладил меня, заметив официальным тоном, что Шевченко, вероятно, заслужил свою участь, что в таком деле следует быть осторожным и сочувствие свое припрятать..." Однако,

думается, не без сочувственного отношения самого Ладыженского другом Шевченко в Орской крепости стал чиновник Пограничной комиссии М.Александровский.

Перед освобождением Шевченко Ладыженский, тогда уже оренбургский комендант, был вовлечен в хлопоты об ускорении оформления соответствующих документов. ("Листи до Т. Г. Шевченка", стр.99; VI, 168).

ЛАЗАРЕВСКИЙ, Федор Матвеевич. (1820-1890) - чиновник Оренбургской Пограничной комиссии, губернский, а затем коллежский секретарь.

Родился в мелкопоместной дворянской семье Конотопского уезда, Черниговской губернии. С окончанием университетского курса, по собственному желанию, был вызван на службу в Оренбургскую губернию и зачислен в штат Пограничной комиссии (сентябрь 1845). Три месяца спустя, в январе 1846, его допустили к исполнению должности столоначальника, а в мае того же года в этой должности утвердили. "Способнейший и усерднейший из столоначальников, таких чиновников желательнее бы побольше привлечь в комиссию," - сказано в его характеристике.

Получив в июле 1848 чин коллежского секретаря, Лазаревский вскоре был перемещен на вакансию чиновника особых поручений при председателе Пограничной комиссии и, одновременно, исправлял должность заведывающего Временным столом по управлению Внутренней орденом. (ГАОО, ф.6, оп.10, д.6057/6, лл.6, 14-16; оп.10, д.5912, лл.47-50; оп.10, д.6745, лл.8-19). С 1854 Ф. Лазаревский служил в Петербурге (чиновником особых поручений при губернаторе, а затем в департаменте уделов); с 1859 г. он управлял у дельными конторами в Орле и Ставрополе.

Федор познакомился с Тарасом Шевченко первым из братьев Лазаревских. Узнав о прибытии его в Оренбург, он тотчас отправился в казармы и отыскал там новоявленного рядового. Не приходится говорить, как дорого было Шевченко теплое, сердечное участие невестки откуда взявшегося земляка. До отправки его в Орскую крепость поэт-солдат имел возможность подолгу беседовать с Лазаревским, его сослуживцем, другом (и тоже земляком) С.Левицким. Особенно запомнилась Ф.Лазаревскому ночь, когда гость остался у них ночевать и вместе они пели любимые украинские песни, читали и слушали стихи. "Летняя ночь таким образом пролетела незаметно, - вспоминал он впоследствии. - Мы не спали вовсе".

В бытность Шевченко в Орской крепости (и в последующий период) между ним и Лазаревским шла переписка; Ф. Лазаревский оказал ему ряд услуг по пересылке книг, красок, бумаги и расширению круга знакомых, которые могли быть полезны. Среди них - Александр Андреевич, Белов, Субханкулов, Петров и др. (VI, 53-54; "Листи до Т. Г. Шевченка", стр.66-67, 70, 72-73, 74-75).

Новая встреча произошла глубокой осенью (в середине или конце ноября) 1849. В этот раз они могли видеться до конца декабря, когда Лазаревский вновь выехал по служебным делам. Вернулся в марте 1850-го. Шевченко, хоть и имел уже квартиру (в доме К.И.Герна), да к тому же нашел новых друзей, не прерывал этого, по-особому приятного ему, знакомства. Верный дружбе, Лазаревский, вместе с Герном, сделал все возможное, чтобы апрельский обыск 1850, о котором он и узнали заранее, не принес серьезных улик против Шевченко. Ночь перед арестом поэт провел с Ф. Лазаревским.

И в Новопетровском помнил он об оренбургском своем доброжелателе-земляке. Об этом свидетельствуют письма Шевченко к Лазаревскому (VI, 77, 78), упоминания о нем в письмах к другим адресатам (VI, 93, 119, 139, 140, 145, 156, 168).

"Расставшись с Тарасом в памятный мне первый день Пасхи 1850 года, я не видел его до 1857 (1858 - Л. Б.) года... Встретились мы, как братья, без возгласов и восклицаний, но... с уверенностью в том, что мы остались так же близки друг другу".

Заметки Федора Лазаревского, впервые опубликованные в журнале "Киевская старина" (1899, № 2), являются одним из главных мемуарных источников для каждого, кто знакомится с оренбургским периодом жизни Шевченко. Их ценность несомненна. Но многое здесь - не от правды жизни, а от определенной тенденции автора, который не мог смириться с бесспорным фактом теснейших связей

Шевченко с поляками и расценивал их близость только как результат "польских происков", искаженно представлял себе "симпатии" к поэту у представителей "высших сфер оренбургского населения" и его самого - к этим "важным тузам" (см. Майдель). Есть в заметках преувеличение степени близости мемуариста к почитаемому им человеку; имеются фактические ошибки, объясняемые большим расстоянием во времени между событием и освещением его в мемуарах.

Не вызывает сомнений то обстоятельство, что взгляды Ф. Лазаревского по коренным вопросам общественной жизни, политики, идеологии были иными, чем у Шевченко. Тем не менее неправомерна оценка, данная ф. Лазаревскому в книге Л. Хинкулова "Тарас Шевченко і його сучасники" (Киев, 1962, стр. 192-194). Автор полностью опровергал утверждение мемуариста о близости его к поэту

в период "оренбургской зимы" и категорически заявлял, что на самом деле "сердечной близости" между ними не было вовсе.

Но вся история их отношений на протяжении многих лет опровергает такой вывод. Здесь уместно привести несколько строк из уже цитированного письма Ф. Лазаревского брату Александру (1886). "Из близких Шевченку людей того времени, когда он приехал в Оренбург, - гласит письмо, - я один остался в живых. Брат Михайло, Левицкий, Майдель, Ладыженский, Бутаков, Пospelов,

Герн, Матвеев - в могиле". (ИЛ, ф.1, д.308). Перечень имен, конечно, неполон, но свидетельство игнорировать нельзя.

Нет основания ставить в упрек Лазаревскому, что он был напуган арестом Шевченко и в письме к родителям пытался убедить их в своей непричастности к возникшему делу. Не следует забывать о благородной и нетрусливой роли Ф. Лазаревского во время обыска; нельзя и не учитывать, что после ареста Шевченко близкие к нему люди оказались на подозрении, а потому не могли не

думать о нежелательных "читателях" писем. Сам Шевченко об этом знал, помнил. Почему же в праве на такую "хитрость" Л. Хинкулов отказывал Ф. Лазаревскому?

В заключение считаем нужным обратить внимание на неизученный еще источник - "Альбом Лазаревских", содержащий на 388 пронумерованных страницах записи 1844-1887 гг. (ИЛ, ф.1, д.66). Этот альбом нуждается в специальном исследовании, которое может открыть новые существенные сведения о дружбе Шевченко со своими земляками в Оренбурге, а, возможно, и неизвестные пока строки поэта.

Не случайным представляется уже то, что именно после приезда Шевченко в Оренбург. появляются в альбоме первые стихотворные записи на украинском языке (лл. 97-101); они датированы 20 июля, 26 августа и 30 октября 1847. Почерк здесь не шевченковский, все три даты сопровождаются пометой "Оренбург" (Шевченко находился в то время в Орской крепости), но так или иначе все они обусловлены близостью поэта, общением с ним, которое имело место (и лично, в Орской крепости, и посредством переписки или других okazji). Не исключено, что даты связаны с не дошедшими до нас письмами Шевченко к Лазаревским.

Рукой Лазаревских внесены в альбом и другие стихи на украинском языке, в том числе, определенно, списки поэзий Шевченко. (лл. 108-109, 112, 113, 115 и др.).

Автографы Т. Шевченко следуют после датированных записей 1854 г. Это "Таточко з мамкою..." и "Упилась я на меду" (лл. 225-226). Не вызывает сомнений, что в альбом они записаны в период "оренбургской зимы" 1849-50 гг., как и стихотворения "Ой у саду, саду..." (датированное 17 ноября 1849 года и помеченное Оренбургом) и "Не додому вночі ідучи..." (с датой 24 декабря 1848, и пометой - Кос-Арал). Вообще, изучение альбома убеждает, что страницы его заполнялись не последовательно, одна за другой, а без какой-либо системы, и между записями 1854-1855

появлялись сделанные в 1849-1850. Есть контрасты и более разительные: после записей, сделанных в 1880 в Ставрополе, где Лазаревский служил управляющим удельной конторой, идет список некрасовской "Бури", внесенный в альбом 13 октября 1851 в Оренбурге. (лл.284-285).

Альбом содержит в себе автографы - или списки - произведений А.Григорьева, В.Даля ("Луганец"?) и др., записи фольклорные, другое интересное. Все это делает его и документом эпохи, и источником изучения людей, окружавших Шевченко.

Ф. Лазаревский - М. Чалому (1883)

"... Основавшись в Побиванке, хочу писать свои воспоминания. Я многое видел. - С университетской скамьи я полтора года домашний учитель в барском доме; на моих глазах и с некоторым моим участием разыграли там крестьянский бунт. 9 лет, начиная с писца до советника, в Оренбурге, из них четыре года в должности чиновника особых поручений в Киргизских степях и полтора года при Азиатском департаменте. 3 года чиновником особых поручений при министре Муравьеве и постоянные командировки во все концы России.<...> 10 лет управляющим Орловской удельной конторой, где закончил увольнение удельных крестьян от крепостной зависимости.<...> 13 лет управляющий уделами на Кавказе... Материала очень много..." (ИЛ, ф.92, д.30).

ЛАЗАРЕВСКИЙ, Михаил Матвеевич. (1818-1867) - чиновник Оренбургской Пограничной комиссии, коллежский секретарь.

По окончании курса наук в Нежинском лицее князя Безбородко, он в 1838 г. поступил на службу в Черниговскую гражданскую палату. Два года спустя его назначили столоначальником и в том же, 1840, по желанию, уволили в связи с переездом в Тобольскую губернию. В Тобольске М. Лазаревский служил в 1841-45 - сначала в канцелярии общего губернского правления, а затем смотрителем заведений экспедиции о ссыльных. За это время он получил два очередных чина - дослужился до коллежского секретаря.

Со середины 1845 М. Лазаревский - в Оренбурге: столоначальником, попечителем прилинейных киргизов. "С определением его в штат Пограничной комиссии, в должности столоначальника, исполнял должность свою с отличным усердием и неусыпною деятельностью, с назначением в должность попечителя оказывал тоже постоянное усердие в прекращении миролюбиво многих возникавших между ордынцами и прилинейными жителями претензий..." - так сказано в характеристике 1848 г. (ГАОО, ф.6, оп.10, д.5680, лл.50- 54; д.5057-б, л.6). В 1850 он был переведен на должность советника Петербургского губернского правления. Впоследствии, уйдя с государственной службы, являлся управляющим делами и имениями графа Уварова.

Т. Г. Шевченко

Портрет М. М. Лазаревского 1858

На обороте надпись: "Портрет Михаила Матвеевича Лазаревского, нарисованный поэтом Т. Г. Шевченко с натуры в 1858 году в С.-Петербурге. Очень, очень мало похож. Ал. Лазаревский. 1898 г. Февраль 18"

Знакомство Т. Шевченко с М. Лазаревским произошло в июле-августе 1848 г. в Орской крепости; в то время он постоянно служил в Троицке и в Орской мог быть либо проездом, по служебным

обязанностям, либо специально, для встречи с поэтом. Вместе они про вели "несколько дней" (свидетельство самого М. Лазаревского). В последующие месяцы приезжал в Орскую "довольно часто" и "всегда навещал Шевченко". Об этом периоде оставил заметки - ценные, но не лишённые существенных ошибок, в частности о комендантстве Исаева и Левитского, о Залеском и Турно в Аральской экспедиции и др.). Воспоминания сохранились не полностью; первая публикация их - ж."Русский архив", 1899, кн.1, № 4, с тр.643-647).

Выехав в отпуск на Украину, а затем в Петербург, Лазаревский заботился об облегчении участи Шевченко; к 1847-1848 относится первый их обмен письмами. (VI, 44-46; "Листи до Т. Г. Шевченка", стр. 68-69).

Следующая встреча произошла в Оренбурге, в 1849 г. 3 декабря сюда приехал М. Лазаревский и после дружеских встреч с братьями-земляками Шевченко нарисовал их портрет, окончание которого датируется 11-м декабря. (т.8, л.51).

(Не исключено, что одновременно с групповым, Шевченко писал и индивидуальные портреты братьев. На это наталкивает письмо Ф. Лазаревского от 6 декабря 1849 г.: "... вместе с Михайловым нарисован мой портрет нашим знаменитым Шевченко; мой портрет, говорят, удивительно похож - он уже кончен. Михайла еще не кончен; когда будет кончен и его, я пришлю их домой, позабочусь выписать и рамки для них.". Так можно писать лишь о двух различных портретах; подчеркнутые места свидетельствуют в пользу так ой версии. Но так как индивидуальные портреты братьев, выполненные в декабре 1849-го, не известны, рождается мысль: не вводит ли нас это письмо в рабочую мастерскую художника, который задумывает сначала два. портрета, пишет один, набрасывает другой, а затем решает сделать двойной, парный, и доводит свой план до конца. Думается, что и композиция портрета говорит в пользу такого предположения).

Вместе подойдя к этапному для изгнанника 1850 г., Т. Шевченко и М. Лазаревский вскоре расстались, притом почти на семь лет. Но дружба их не оборвалась.

Множество раз упоминается это имя в Дневнике. "Пошли, господи, всем людям такую дружбу и такого друга, как Лазаревский", - записывал Шевченко, с благодарностью отмечая его внимание и помощь. Известно двадцать восемь писем Шевченко к М. Лазаревскому, в том числе восемь из Новопетровского укрепления; опубликовано пятнадцать писем к поэту только от этого представителя близкой его сердцу украинской семьи. Представляет интерес письмо М. М. Лазаревского к И. А. Ускову от 2 мая 1857 года с просьбой помоч ь Шевченко поскорее выехать из Новопетровского укрепления. (ИЛ, ф.1, д.304).

Их дружба была долгой и искренней. Не поступаясь взглядами, Шевченко глубоко ценил сердечность и участие, особенно дорогие в неволе.

М. Лазаревский первым поздравил Шевченко со свободой; первым из друзей обнял его поэт по приезде в Петербург. В день своих именин Лазаревский получил бесценный подарок - шевченковский Дневник, начатый на берегу Каспия и доведенный до июля 1858. Одним из последних ушел он от Шевченко в роковой для него день. К сожалению, воспоминания, ссылаться на которые нам уже довелось, слишком скупы; они, конечно, и в малой степени не передают того, что должен был (и мог) рассказать о Шевченко этот его "нелицемерный друг", слишком рано ушедший из жизни.

ЛАЗАРЕВСКИЙ, Василий Матвеевич. (1817-1890) - чиновник в Оренбурге, а затем Петербурге, литератор, переводчик, старший из братьев Лазаревских.

Образование получил в Харьковском университете. В 1847-1848 служил чиновником особых поручений при председателе Оренбургской Пограничной комиссии, а в июле 1848 был переведен на такую же должность в канцелярию Петербургского гражданского губернатора а. (ГАОО, ф.6, оп.6,

д.12266). Впоследствии - член совета при министре внутренних дел и совета главного управления по делам печати. На этом, последнем посту оказал ряд важных услуг прогрессивной периодике России. В.Лазаревский был известен также как переводчик Шекспира. "Прекрасным литературным подарком" назвал его перевод "Короля Лира" А.К.Толстой. ("Литературная газета", 1967, № 37, 13 сентября).

В Оренбурге в 1847 г. личное знакомство Т. Шевченко с В.Лазаревским не состоялось, так как в это время он еще не прибыл к месту нового назначения. Но о поэте-изгнаннике знал и помнил.

Цитируем строки из его не используемых шевченковедами интересных заметок: " Нужно сказать, что в это время находился солдатом в Орской крепости Тарас Григорьевич Шевченко. Мы с ним не были знакомы, но он был больше чем дружен с моим братом Михаилом, служившим попечителем киргизов в той же Орской крепости. (Ошибка: в Троицке). За короткое время пребывания в Оренбурге мне не привелось съездить в Орскую; но я переслал Шевченко привезенные из Петербурга карандаши, краски, сигары, книги. Узнав, что я уезжаю обратно в Петербург, он передал мне просьбу следующего содержания: "Освободить меня от солдатства может только Василий Алексеевич Перовский (в то время член Адмиралтейского совета), у Перовского же, лучше всякого другого, мог бы хлопотать Даль, лично ему человек совершенно близкий". Я не придавал этому большого значения, потому что и Перовский, и Даль хорошо знали, что там терпит Шевченко, и конечно люди позначительнее меня (неизвестного ни тому, ни другому) говорили им о несчастном ссыльном; но все же выполнить поручение следовало..."

Подробный разбор ценных воспоминаний ("Из бумаг В.М. Лазаревского" - ж."Киевская старина", 1891, книга вторая, стр.212-214) содержится в трилогии: Л.Большаков, "Быль о Тарасе", том 1, 1993, стр.236-245. Заметки В.М. Лазаревского заслуживают полной публикации вместе с воспоминаниями его братьев.

"Первый раз веду разговор с тобою, а дал бы даже не знаю что, чтобы отдать тебе что-нибудь из того, что у человека свое..." - писал В.Лазаревский в 1848 году, адресуя свое письмо в Орскую крепость, для пересылки на Аральское море, где уже находился Шевченко.

(В книге "Листи до Т. Г. Шевченка" это письмо и посланное одновременно письмо Ф. Лазаревского - стр.66-67 - датируются январем 1848 совершенно необоснованно. Составитель ругает за январь, исходя из того, что то был "последний месяц пребывания В.Лазаревского на службе в Оренбурге". Между тем, как явствует из указанного архивного дела, официальный перевод состоялся 6 июля., отъезд же мог задержаться. Учитывая содержание письма, в частности то, что вопрос "Где тебя водит твоя горькая година..., земляк?" не может быть обращен к человеку, если он давно находится на одном месте, можно утверждать, что письмо написано не ранее июля 1848 г.. Но, скорее, месяцем-двумя позднее. В письме-приписке Ф. Лазаревского прямо говорится, что "Даль уехал в июле...", да и сообщение о намерении Чернышева выехать в Питер "по санной дороге" менее всего подходит к январю, зато более к осени).

В переписке периода неволи Шевченко часто и тепло вспоминал В.Лазаревского. (VI, 73, 78, 139, 140, 145, 156). Помнил о нем и Лазаревский. Об этом свидетельствуют письма его братьев. Существовала между ними также переписка прямая, но другие письма, кроме цитированного выше, не сохранились. По словам Ф. Лазаревского, часть их была сожжена перед обыском весной 1850.

Первая встреча Т. Шевченко с В.Лазаревским состоялась 29 марта 1858. "Василь принял меня как давно невиданного своего друга. А мы с ним в первый раз в жизни встречаемся. От земляк, так земляк". (V, 220). Их личные дружеские связи продолжались до последнего дня жизни Шевченко.

ЛАЗАРЕВСКИЙ, Яков Матвеевич. (1829-1880) - чиновник.

Закончив Полтавский кадетский корпус, Я.Лазаревский (в 1847) был произведен в прапорщики и определен в Шлиссельбургский егерский полк. Вместе с полком участвовал в походе против венгерских "мятежников". В 1849 стал подпоручиком. Однако вскоре он вышел в отставку в связи с "семейными обстоятельствами" и в 1825 поступил чиновником в хозяйственный департамент министерства внутренних дел. Его служба протекала в различных местах. В 1857 Лазаревского назначили в Вятку, где он служил в течение нескольких лет.

Т. Шевченко познакомился с этим представителем среднего поколения братьев Лазаревских 22 января 1858 в Нижнем Новгороде. "Проездом из Петербурга в Вятку на службу посетил меня сегодня Яков Лазаревский. Он недавно из Малороссии. Рассказал о многих свежих гадостях в моем родном краю, в том числе и о грустном Екатеринославском восстании 1856 года...", - записал он в Дневнике. (V, 189). "Був у мене в гостях Яков. Славный хлопец!" - писал Шевченко М. М. Лазаревскому. (VI, 208). О поездке Якова Лазаревского говорится также в письмах Михаила Матвеевича к Шевченко. ("Листи до Т. Г. Шевченка", стр.123, 131).

Из этих писем мы узнаем, в частности, что поэт писал Я.Лазаревскому в Вятку; письмо его (или письма) неизвестны. Косвенным подтверждением того, что Шевченко поддерживал с ним связь, может служить также то, что на одном из сохранившихся экземпляров о форте "Притча о работниках на винограднике" имеется авторская дарственная надпись: "Якову Матвеевичу Лазаревскому на украшение его Вятской юдоле приносит Т. Шевченко". (X, л.32, комментарий на стр.22).

После смерти Т. Шевченко Я.Лазаревский, как и его братья, участвовал в увековечении памяти Шевченко. ("Т. Г. Шевченко в епістолярії...", К., 1966, стр.41).

ЛАППА-СТАРЖЕНЕЦКИЙ (Лаппа), Павел Вильгельмович - старший полицмейстер Нижнего Новгорода.

До назначения на эту должность (в 1855) он около двадцати лет посвятил службе в лейб-гвардии, участвовал в сражениях на Кавказе, являлся городничим в Гродно и Арзамасе.

Т. Шевченко был признателен ему за то, что он "засвидетельствовал действительность... мнимой болезни" поэта, чем помог избежать возвращения в Оренбург. Это и вызвало явную переоценку личности полицмейстера в записях Дневника. Знакомство продолжалось до самого отъезда Шевченко в Москву и Петербург. Встречались они и в Петербурге. (V, 143, 144, 146, 158, 206, 239, 241).

По нашему мнению, именно Лаппа-Старженецкого запечатлел художник на листе, публикуемом ныне как "Портрет полицейского". (X, л.20).

ЛЕБЕДЕВ, Александр Михайлович. - ординатор Новопетровского полугоспиталя, титулярный советник. ("Адрес-календарь Оренбургского края на 1854 год", стр.267). В июне 1854 г. младший лекарь полугоспиталя Лебедев был произведен в коллежские ассесоры. (ГАОО, ф.6, оп.12, д.1044).

Учитывая достоверные сведения об отношениях Шевченко с медиками Новопетровского укрепления, мы вправе внести в список знакомых поэта на Мангышлаке и врача Лебедева.

ЛЕБЕДЕВ, Петр Андреевич - дьячок Спасопреображенской церкви в Орской крепости.

Родился в семье сельского священника. Учился в Уфимском уездном училище, но из "низшего отделения" был исключен "за болезнью". Тогда же стал причетником церкви в крепости

Таналыкской, где правил службу его покойный отец. В 1839 - пономарь, в 1843 - дьячок в Орской. (ГАОО, ф.173, оп.1, д.264).

Т. Шевченко был прихожанином этой церкви и участвовал в службах с дьячком Лебедевым, "помощником священника при служении" (Даль).

ЛЕВИТСКИЙ, Гаврила Гаврилович. (1779-1848) - комендант Орской крепости с февраля 1847 по июнь 1848, генерал-майор.

Происходил из дворян Санкт-Петербургской губернии. В раннем юношеском возрасте начал военную карьеру. В 1798 из кадет 2-го кадетского корпуса был произведен в подпоручики и назначен в артиллерийскую батарею генерал-лейтенанта Эйлера. В 1805 - поручик, в 1807 - штабс-капитан; тогда же последовал перевод в Киевскую резервную бригаду. 1811 - капитан, 1816 - подполковник, 1827 - полковник, 1832 - командующий резервной бригадой 3-й артиллерийской дивизии. В январе 1847 за отличие по службе был произведен в генерал-майоры и несколько дней спустя назначен комендантом Орской крепости.

На этом посту Левитский сменил уволенного от службы Д.Н.Исаева (комендантские обязанности после него, Левитского, исполнял Е.В.Недоброе).

Рано начался и много лет продолжался боевой путь Левитского. "Был в походах и сражениях 799, 806, 807, 812, 813, 814 и 815 годов против французов, 808, 810, 828 и 829 годов против турок". За подвиги и другие отличия - как в военное, так и в мирное время - удостоился нескольких орденов Российской империи. 11 января 1847 получил знак отличия беспорочной службы за 45 лет - награду редчайшую.

"До 1848 года в штрафах не бывал, замечаниям и выговорам не подвергался, а в 1848 году по высочайшему повелению, изъясненному в предписании господина военного министра командиру Отдельного Оренбургского корпуса от 26 мая за № 410-м, предан военному суду за противозаконные снисхождения к ссыльным арестантам и даже самым злым государственным преступникам, но за неотобранием ответов или оправданий, по случаю смерти подсудимого, военно-судное дело осталось без определения суда".

Неожиданно свалившаяся на плечи 68-летнего служаки, который "до предания суду всегда аттестовался достойным" и "жалобам не подвергался", страшная для него беда, ошеломила Левитского. В архивном деле сохранилось его письмо В.А.Обручеву.

"По поручению Вашего высокопревосходительства генерал-майор Фрейман объявил мне, что Государь Император изволил приказать судить меня за то, что я отстранил от крепостных работ преступника Гофмейстера, на что я почтительнейше донести честь имею, что по доставлении Гофмейстера в крепость Орск он был столь слаб, что я на малое время освободил его от крепостных работ, а вскорости получил письмо от его матери, с коего копию при сем представить честь имею; и к состраданию матери, и как сам отец семейства, почувствовал сожаление и чтоб облегчить ее страдание написал ей письмо, в коем упомянул, что сын ее будет уволен от крепостных работ и сим тоже хотел успокоить страждущую мать, без единого намерения выполнить в точности сие обещание <...& gt; Вот моя исповедь и все мое преступление, произошедшее от доброго моего сердца.

Теперь прибегаю к Вашему высокопревосходительству, как к особе в большой доверенности Государя Императора, полагаю всю мою надежду на близость души и доброту Вашего сердца - защитите отца семейства, прослужившего в офицерском звании 50 лет, и во все время служения моего исполнял волю моего монарха в точности и не был замечен ни в каком отступлении по долгу службы и никак не ожидал постигшей меня участи. Будьте столько милостивы - защитите меня пред лицом всеавгустейшего монарха и одно слово Ваше, в пользу мою сказанное, может избавить меня от несчастья..."

Письмо-мольба было датировано 13-м июня 1848 г. Однако сочувствия Левитский не дождался. Во время следствия он тяжело заболел ("желчная горячка в сопряжении с воспалением печени"). Тем не менее, почувствовав некоторое облегчение, Гаврила Гаврилов ич отправился в Оренбург, где вскоре, 18 августа, умер. (РГВИА, ф.395, оп.154, д.421).

В воспоминаниях о Шевченко, посвященных орскому периоду его солдатчины, мемуаристы, прежде всего М. Лазаревский, с особой похвалой отзываются о коменданте - "человеке старом и довольно добром", но все хорошие слова связывают с именем Исаева. Это можн о объяснить только несовершенством памяти: свои заметки Лазаревский писал почти через двадцать лет после описываемых событий (печатались они еще через двадцать, в 1899-м). Он явно имел в виду Левитского.

"Противузаконные снисхождения к ссыльным арестантам и даже самым злым государственным преступникам" могли подразумевать и Тараса Шевченко.

Подробно об этом - в т.1 трилогии автора "Быль о Тарасе".

ЛЕВИТСКАЯ, Соломония Викентьевна - жена Г. Г. Левитского.

Дочь судьи в Богуславе В.Березовского, римско-католического вероисповедания, она была спутницей Левитского на протяжении четверти века, со времени его службы в Киевской резервной бригаде. Значительно моложе своего мужа, Соломония (именовавшая с ебя Елизаветой) делила с ним все трудности и неожиданности офицерской службы. Беда, постигшая супруга, стала тяжелым ударом и по ней, всей семье. Со смертью Гаврилы Гавриловича вдова лишилась всех средств существования. Как свидетельствовал В.А.О бручев в рапорте военному министру, "при скромной жизни, после смерти его, семейство, состоящее из жены и двух дочерей, осталось не только без состояния, но даже без всяких средств к пропитанию, и на совершение самого погребального обряда я нашелся в необходимости сделать некоторое пособие из сумм, в распоряжении моем состоящих". В рапорте подчеркивается, с одной стороны, бескорыстие Левитского на протяжении всей полувековой службы и, с другой, - "настоящее бедственное положение семейства".

В результате ходатайств женщине была назначена пенсия, но в выдаче пособия на проезд семейства в Санкт-Петербург "высочайшего соизволения не последовало". (РГВИА, ф.395, оп.154, д.421).

Как вспоминал М. Лазаревский, Шевченко "был принят в доме" коменданта. Стало быть, знакомство его с Соломонией (Елизаветой) Викентьевной не вызывает сомнений.

ЛЕВИТСКИЕ, Екатерина Гавриловна, Дарья Гавриловна.

Дочери коменданта Орской крепости. Родились на Украине, в Киевской губернии. Екатерине в 1847 г. было 22 года, Дарье - 12. (То же архивное дело). Юные землячки не могли не привлекать внимания сына Украины - тем более старшая, носившая дорогое Шевченко имя: Катерина.

Можно предположить, что девушки были запечатлены в портрете (портретах) художника, но эти его работы не выявлены (как и большинство портретов вообще). К портретированным могла принадлежать и мать Левитских-младших.

ЛЕВИЦКИЙ, Сергей Петрович. (1822-1855) - чиновник Оренбургской Пограничной комиссии.

Родился в семье директора Черниговской гимназии. Учился в Киевском университете. На службе - с 1845 г. В Оренбурге Левицкий выполнял обязанности помощника столоначальника во вновь организованном Временном столе по управлению Внутренней киргизской ордой (1847-1848), а с декабря 1848 являлся здесь же столоначальником, в чине коллежского секретаря. За усердие по

службе получал отличия. 16 января 1850 (одновременно с предоставлением ему четырехмесячного отпуска) состоялось представление Левицкого к на граде в размере трети годового жалованья. Под судом и в штрафах не был. (ГАОО, ф.6, оп.6, д.12056; оп.10, д.6057/б, л.6-об; оп.10, д.5970, л.82).

Земляк и друг братьев Лазаревских, Левицкий наиболее близко стоял к Федору, у которого сначала являлся помощником, а затем, после назначения того чиновником особых поручений, - стал преемником по должности. От Ф. Лазаревского он узнал о доставке Шевченко в Оренбург уже в день его прибытия. Вдвоем они обратились за советом и помощью к чиновнику особых поручений при военном губернаторе Е.М.Матвееву и "вышли от него с облегченным сердцем, уверенные в том, что он будет работать в пользу обездоленного Кобзаря". (Эта и последующие, особо не оговоренные, выписки - из воспоминаний Ф. Лазаревского). Живя тогда вместе в доме М.И.Кутина, Лазаревский и Левицкий два дня спустя принимали Шевченко у себя на квартире, где их гость остался ночевать. Улегшись на полу, они слушали шевченковские стихи, говорили о жизни, пели родные украинские песни. "Левицкий обладал замечательно приятным тенором и пел с большим чувством".

Находясь в Орской крепости, а затем на Аральском море, Шевченко тепло вспоминал Левицкого, интересовался его жизнью, просил писать. (VI, 54; "Листи до Т. Г. Шевченка", стр.73, 75).

Их дружба возобновилась и окрепла по возвращении с берегов Арала. Поначалу поэт проводил много времени в том же доме Кутина: "Тарас, Поспелов, Левицкий и я зажили, что называется, душа в душу". Встречи Шевченко с Левицким продолжались до января 1850, когда тот выехал в отпуск. "Этот, который привезет тебе письмо мое, наш земляк - Левицкий, привет его... он мне в большой стал пользе на чужбине!" - обращался Шевченко к О.М.Бодянскому. (VI, 62).

Левицкий писал своему другу из Петербурга. "Точно третий год тому пошел, так давно мне показалось это время", - заявлял он на третьем месяце разлуки. Из письма видно, что, находясь в столице, Левицкий выполнял поручения Шевченко по налаживанию с вязей для возможного облегчения его участи; проявлял он и собственную инициативу в привлечении к участи Шевченко внимания петербургской интеллигенции. В письме приводятся слова магистра

математики Н.А.Головки: "... Вас не стало, а на место то стало больше людей, аж до 1000, готовых стоять за все, что Вы говорили..." ("Листи до Т. Г. Шевченка", стр.78-79).

Это письмо, от 6 марта 1850, было найдено у Шевченко во время обыска, произведенного вечером 22 апреля 1850, и вызвало особый интерес III отделения. Надеюсь, что удалось отыскать следы тайной организации, петербургские власти отдали приказ об аресте С.Левицкого и Н.Головки. Головка во время ареста оказал сопротивление, а затем застрелился, что явилось дополнительным поводом к преследованию взятого под стражу Левицкого. Но в процессе следствия, к которому были привлечены и другие лица, в том числе служащие в Оренбурге, стала очевидной невиновность

Левицкого, и его освободили, с учреждением секретного надзора.

"12 дней просидел он в крепости, и хотя арест не повлек за собой никаких последствий для его службы, но сильно повлиял на его здоровье: этот 28-летний юноша, крепкого сложения, вдруг захирел, осунулся, и хотя начальство отнеслось к нему участливо, переведши его для поправления здоровья на службу в Скуляны, но через два года он отдал Богу душу". ("Воспоминания о Тарасе Шевченко", К., 1988, стр.222).

Шевченко вспоминал Левицкого и в Новопетровском укреплении. (V, 76). Он тревожился о его судьбе. "Пошли господа доброго здоровья Левицкому. Спасибо вам, что вы о нем написали". (Из письма 1852 г. Ф. Лазаревскому; VI, 78). "Напиши мне, будь добр, о Левицком, где он обращается," - просил поэт М. Лазаревского. (VI, 139).

Это, последнее, письмо датируется 8 октября 1856. У нас в данном случае нет оснований брать под сомнение точность даты. Но известно, что Левицкий умер 2 февраля 1855 года. Значит, друзья скрыли от Шевченко смерть их земляка и близкого приятеля? Такое благородство трогает.

ЛЕДОМСКИЙ, Александр Николаевич. - прапорщик 1-го Оренбургского линейного батальона.

Происходя из семьи офицера, учился в Неплюевском корпусе. В Новопетровское укрепление прибыл в мае-июне 1857. Однако служил здесь очень недолго. 27 августа 1857, в возрасте 22 лет, молодой офицер умер "от апоплексического удара". (ГАОО, ф.173, о.п.11, д.234-а).

Ледомский, вероятно, был одним из тех молодых офицеров, которые участвовали в пьянке, устроенной Компиони и едва не обернувшейся для Шевченко большой бедою.

"Вновь прибывшие лихие ребята сидели и лежали в одних красных рубахах на разостланной кошке, а перед ними красовалась полуведерная бутылка сивухи. Я, чтобы не дополнить собою группу волжских разбойников, вырвался... и выбежал на площадь". Такая "дерзость" повлекла за собой арест Шевченко на гауптвахте. По совету коменданта, ему пришлось просить извинения за свой "поступок", а затем, в знак примирения, посылать за водкой, вокруг которой вновь сошлись свидетели инцидента. "Что, батюшка, - сказал один из них, подавая мне пухлую, дрожащую с похмелья руку, - вам не угодно было познакомиться с нами добровольно, как следует с благородными людьми, так мы вас заставили". (V, 34-36).

Не будет слишком смелым предположение, что "апоплексический удар", поразивший совсем молодого прапорщика, имел одной из своих причин безудержное пьянство, которому предавались многие офицеры на Мангышлаке.

ЛЕЙХТЕНБЕРГСКИЙ, Максимилиан Иосиф-Наполеон (1817-1852) - президент Академии художеств.

Сын итальянского вице-короля Богарнэ, герцог Лейхтенбергский был мужем великой княгини Марии Николаевны и с 1843 года до своей ранней смерти возглавлял Академию художеств в Санкт-Петербурге.

Его подписью скреплен ответ на апрельский (1847 г.) запрос А.Ф.Орлова о поведении Т. Шевченко во время обучения в Академии; ответ отличался особой доброжелательностью: "... нужным считаю присовокупить, что Шевченко имеет дар к поэзии и на малоросси́йском языке написал некоторые стихотворения, уважаемые людьми, знакомыми с малоросси́йским языком и прежним бытом этого края; почитался он всегда человеком нравственным, быть может, несколько мечтателем и читателем малоросси́йской старины, но предосудительного на счет его ничего не доходило до сведения Академии". ("Кирило-Мефоді́ївське товариство", т.2, К., 1990, стр.197).

ЛЕКАРЬ - см.Богославский К.Б.

В письме Т. Г. Шевченко от 20 декабря 1847 г. (VI, 44) упоминается лекарь, который помогал поэту во время его болезни в Орской крепости. Отсылая читателя к статье о Богославском, мы вводим в список знакомых Шевченко еще одно, прежде не называвшееся, имя.

ЛЕММ, Бурхардт Фридрихович - начальник Оренбургского отряда топографов, подполковник.

Еще в 1825 г. Лемм начал топографические съемки между Аральским и Каспийским морями. В последующие годы вел астрономические работы и съемки в Псковской, Новгородской, Витебской,

Санкт-Петербургской и других губерниях России. С 1846 снова в Оренбургском крае. В отставку (1863) вышел в чине генерал-майора. Кавалер орденов России и Персии. ("Исторический очерк деятельности Корпуса военных топографов", СПб, 1872, приложения, стр.14).

Имя Лемма было весьма популярным в Оренбурге и крае, среди руководителей и участников Аральской описной экспедиции, а также всех причастных к ней. Т. Шевченко имел возможности личного знакомства и встреч с виднейшим топографом, ученым-астрономом, вхожим в оренбургские дома, которые посещал и он.

ЛЕПЕХИН, Иван Петрович - майор 1-го Оренбургского линейного батальона.

В 1847-1849 гг. Лепехин командовал 3-м батальоном в Оренбурге, но был снят и понижен в должности. В 1856-м он временно заменил в Новопетровском укреплении капитана Косарева, отправившегося с ротой в Уральск. По воспоминаниям того же Е.Косарева, Лепехин (здесь указана только первая буква фамилии) ознаменовал свое годичное командование тем, что "стал вести себя дурно, пить, ничего не делать и, наконец, умер скоропостижно". ("Киевская старина", 1893, февраль, стр.256). На основе записи в метрической книге можно установить, что умер он 2 января 1857 года, в возрасте пятидесяти лет, "от тифозной горячки" и похоронен на крепостном кладбище. (ГАОО, ф.173, оп.11, д.234-а).

Шевченко только однажды упоминает встречу с Лепехиным, не называя, однако, его фамилии: "...ротный командир объявил мне, что получено страховое письмо на мое имя (от А.И.Толстой - Л. Б.) и приказал писарю отдать его мне" (VI, 125). Заметим, что это письмо от 22 апреля 1856, прибывшее в тяжкую минуту жизни поэта, принесло ему теплый привет друзей и новую надежду на освобождение из неволи.

ЛИЗОГУБ, Андрей Иванович (1804-1864) - черниговский помещик, знаток литературы и искусств.

Оставив в 30-е годы государственную службу, жил в своем имении на берегу Снови - в Седневе. Шевченко гостил здесь в 1846-1847 гг. Тут были им написаны поэма "Відьма", предисловие к неосуществленному изданию "Кобзаря", портреты Андрея Ивановича и его брата Ильи Ивановича, пейзажи Седнева.

В годы солдатчины Т. Шевченко, с самого ее начала, Лизогуб писал своему другу доброжелательные письма, прислал необходимые художнику принадлежности, всячески выказывал свое внимание. В 1850 он просил В.А.Перовского хлопотать насчет облегчения участи поэта. После оренбургского ареста Шевченко, среди бумаг которого было обнаружено семь писем от Лизогуба, корреспонденту были сделаны строгие предупреждения от имени А.Ф.Орлова.

Известны девять писем Т. Шевченко к А. Лизогубу - с 1847 по 1852 гг. В них содержится обширный материал о жизни и духовном мире автора, его переживаниях и надеждах.

ЛИПСКИЙ, Людвиг Иванович - рядовой 3-го Оренбургского линейного батальона.

Т. Г. Шевченко

Портрет А. И. Лизогуба 1846-1847

*Внизу надпись А. И. Лизогуба: "рис.
Т. Шевченко"*

По происхождению дворянин, он служил судебским чиновником в Варшаве, там же в 1844 был отдан в солдаты за "ведение разговоров против правительства, чтение запрещенных книг, получаемых из-за границы, и раздачу таковых другим для чтения и распространения демократических правил".

В Оренбурге Липский находился с 1845 г. Тут он постоянно поддерживал связи с польскими ссыльными. Его другом был Томаш Вернер, с которым проходил по одному судебному делу. В 1850, судя по метрическим книгам римско-католической церкви, очевидны тесные отношения Липского с Е.Середницким, З. Сераковским и другими единомышленниками. (ГАОО, ф.172, оп.3, д.189; В.А.Дьяков. "Тарас Шевченко и его польские друзья", стр.80).

Людвиг Липский изображен на рисунке А. Ф. Чернышева, запечатлевшем Т. Шевченко среди поляков в Оренбурге.

ЛИСАЕВИЧ - рядовой 5-го Оренбургского линейного батальона.

Лисаевич упоминается на страницах дела "о найденных бумагах и книгах предосудительного содержания у прапорщиков линейного № 5 батальона Гурьева и Невельского, у рядовых Ханыкова, Завадского и Пожерского".

Из следственных материалов можно заключить, что он являлся одним из активных участников орского кружка. Лисаевич умер вскоре после его раскрытия в конце 1850. После смерти остались "разные письма, книги и стихотворения на польском языке", многие из которых, как отмечено в деле, отличались предосудительным содержанием. (ГАРФ, ф.109-и, I эксп., д.82).

В числе других, проходивших по этому делу, Лисаевич может быть отнесен к знакомым Т. Шевченко периода вторичного длительного пребывания его в Орской крепости (1850).

ЛИСЮКОВ, Александр Дмитриевич - поручик 5-го Оренбургского линейного батальона.

В 1848 Лисюков был переведен адъютантом в батальон № 4. Находясь на Кос-Арале, Шевченко получил через него письма от А.И.Лизогуба и М.С.Александровского. Это стало известно во время допроса, учиненного Шевченко подполковником Чигирем на гауптвахте Орской крепости 1 июля 1850.

Фамилия Лисюкова упоминается в рапорте командира Отдельного Оренбургского корпуса генерала Обручева военному министру; он назван в числе тех, кто допустил, чтобы Шевченко вел переписку и занимался рисованием.

В архивной записи 1852 поручик А.Д.Лисюков значится "уволненным от службы". (ГАОО, ф.172, оп.11, д.229). Представляется, что одной из причин увольнения явилась причастность его к делу Шевченко.

ЛИТВИНОВА, Елизавета Владимировна - дочь Нат.Ир.Усковой.

По рассказам бабушки и матери, Е.Литвинова написала очерк "Дідусь Тарас", опубликованный в третьей книге журнала "Життя й революція" за 1928 г. Основанный на достоверных воспоминаниях, очерк являет собой живой портрет Шевченко-солдата периода пребывания его в Новопетровском укреплении. Это одно из интересных свидетельств, оставленных о поэте членами семьи Усковых.

ЛИФЛЯНД, Михаил Кристианович - комендант г.Оренбурга, генерал-майор. (ГАОО, ф.173, оп.11, д.176).

"Особенно нам (офицерским караулам - Л. Б.) был тяжел комендант, генерал Лифлянд, имевший тройку рысаков. Поднесется, бывало, к караулу из-за угла во всю прыть, проделать церемонию не успеешь, ну и под арест". ("Записки Н.Г.Залесова". "Русская старина", 1903, апрель, стр.60). Умер Лифлянд в 1848, в Оренбурге, во время холеры. (Указ. журнал, 1903, май, стр.269).

Комендант упоминается биографами Шевченко как первое должностное лицо, принявшее доставленного в Оренбург "политического преступника" после ночи, проведенной им в ордонансгаузе. От Лифлянда он был отправлен "в казармы 3-го Оренбургского линейного батальона". (Свидетельство М. М. Лазаревского).

ЛИФЛЯНД, Николай Федорович - прапорщик 4-го Оренбургского линейного батальона, внук генерал-майора М.К.Лифлянда.

С Лифляндом-младшим связан эпизод, описанный Д.Клеменсовым на основе воспоминаний Э.Нудатова: "Зная страсть одного из офицеров гарнизона Лифлянда, носившего киргизскую кличку "Кульдук", - охотника выпить - к разъездам по окрестностям, Ерофеев (бывш. начальник Раимского укрепления - Л. Б.) нарядил двух казаков в высокие каракалпакские шапки и посадил верхами в камышах около излюбленного Лифляндом места прогулки. Только что офицер поравнялся с засадой, казаки гикнули и помчались к нему с пиками нап еревес. Перепуганный любитель кататься, не имея при себе никакого оружия, отбивался чубуком от задевавшего его острия пики и только в самом укреплении по хохоту окружавших догадался, что это была шутка". (Цитируется по книге Д.Иофанова "Материали про життя и творчість Тараса Шевченка", стр.61). Это произошло уже во время пребывания Шевченко на Аральском море.

Лифлянд служил в Раимском гарнизоне несколько лет. В сентябре 1850 он являлся одним из поручителей при бракосочетании прапорщика Г.К.Эйсмонта с А.М.Цыбисовой. (ГАОО, ф.173, оп.11, д.186). Позднее его перевели в Оренбург, во 2-й линейный батальон. ("А дрес-календарь Оренбургского края на 1854 год", стр.251).

Н.Ф.Лифлянд может быть внесен в список тех, чьи портреты рисовал ради заработка Шевченко в 1848-1849 гг.

ЛОСЕВ, Николай Иванович - доверенный комиссионер пароходного общества "Меркурий" в Астрахани, ростовский купец третьей гильдии.

Т. Шевченко встречался с ним в конторе пароходной компании в связи с предстоявшим ему отъездом на пароходе "Князь Пожарский". Об этом, без упоминания фамилии "главного приказчика", говорится в ряде августовских записей Дневника. (V, 101, 103, 108).

ЛОЦМАН - см. Михайлов.

Под этим своим служебным званием крестьянин Михайлов фигурирует в записи Дневника от 29 августа 1857 г. (V, 112-113).

ЛУКАШЕВИЧ, Мечислав - секретарь Оренбургского земского суда, коллежский регистратор.

Родился в Минской губернии в 1823 (или 1824) году, служил в Минском губернском правлении. "За хранение у себя оскорбительных стихов для верховной власти" Лукашевич был выслан в 1847 г. в Оренбургскую губернию "с дозволением продолжать гражданскую с лужбу"; здесь над ним был учрежден полицейский надзор, снятый лишь в конце 1856. (ГАОО, ф.6, оп.18, д.351).

М.Лукашевич был близок к семье чиновника А.А.Кирша, в доме которого Шевченко встречался с поляками.

ЛУКИН, Василий Лукич - плац-адъютант Оренбургского комендантского управления, поручик.

"За плац-майора" Лукин 12 мая 1850 подписал рапорт Оренбургского ордонанс-гауза штабу Отдельного Оренбургского корпуса о препровождении Шевченко с главной гауптвахты для отправки в Орскую крепость. (ИЛ, ф.1, д.406).

ЛУШНИКОВ, Николай - политический ссыльный в Оренбурге.

Лушников являлся активнейшим участником "Тайного общества братьев Критских" - кружка, который сложился в Москве в начале 1827 г. под влиянием движения декабристов, а также вольнолюбивых произведений А.С.Пушкина и К.Ф.Рылеева.

В обвинительном заключении по делу кружка говорится, что Лушников "был ожесточен до такой степени, что дерзнул на портрете блаженной памяти Государя Императора выколоть глаза".

Забываясь о расширении круга единомышленников, братья Критские, Лушников и другие организаторы тайного общества вели агитационную работу среди населения, ставя своей целью подготовку восстания, свержение самодержавия и установление конституционного строя.

Лушников, кроме того, пытался вести революционную работу среди офицеров. Это и послужило непосредственной причиной провала кружка. (РГВИА, ф.410, д.64).

Меры наказания членам тайного общества определялись самим Николаем I. Лушников был сослан в Шварцгольмскую крепость. В ее казематах он провел много лет, после чего был отправлен рядовым. Освобожденный от службы с гражданским чином коллежского регистратора уже в 40-х годах, проживал в Оренбурге. В списках лиц, состоящих под секретным надзором, значится: "занимается хозяйством, чем себя и содержит". (ГАОО, ф.6, оп.18, д.222, 269, 303, 332, 351).

Н.Лушников жил в Оренбурге в течение всего периода солдатчины Шевченко. Не имея данных об их личном знакомстве, автор считает необходимым внести в энциклопедию и его имя - для более полной характеристики политической среды, в которой поэт находился.

ЛЬВОВ, Геронтий Ильич. - командир 1-го Оренбургского линейного батальона, майор, а с августа 1855 - подполковник.

(ГАОО, ф.6, оп.12, д.125; "Адрес-календарь Оренбургского края на 1854 год", стр.250).

"Рыжая, весьма непривлекательная персона", "тучегонитель Кронион", "грозный судья и каратель" - такими словами характеризует Шевченко бездушно-жестокое "отца-командира". В Дневнике и письмах немало страниц и строк посвящено солдафону Львову, к которого он считал одним из своих злых недругов. (V, 21, 24, 28-30, 31; VI, 112, 113, 124).

Именно в связи с ожидаемым прибытием батальонного и предстоящим смотром записывал Шевченко 19 июня 1857: "Какое гнусное грядущее важное событие! Какая бесконечная и отвратительная эта пригонка амуниции! Неужели и это еще не в последний раз меня выведут на площадь, как бессловесное животное напоказ? Позор и унижение!" А 25 июня он подробнее описывал и проезд, и смотр - с "зубочистками фельдфебелям и прочим нижним чинам" в казармах, с двухчасовым ожиданием "судии праведного" на плацу и трехчасовой "пыткой" после его появления, с щедрыми посулами "суда и розог и даже зеленой аллеи, т.е. шпицрутенов", наконец - после всего

- с унижительным допросом "конфирмованных", в том числе его, Шевченко. Много дней не мог он освободиться "от тяж елого влияния, наведенного его (Львова - Л. Б.) коротким присутствием".

На протяжении ряда лет Львов играл в судьбе Шевченко роль неблагоприятную. Так, в 1854 он отказался ходатайствовать о производстве рядового Шевченко в унтер-офицеры, открывавшем пути освобождения от службы. Отвечая на запрос командира Отдельного Оренбургского корпуса, он писал, что Шевченко "по фронтовому образованию слаб, в чем <...> лично убедился в бытность <...> в сем году в Новопетровском укреплении", а посему не считает его "заслуживающим ходатайства". ("Русское богатство", 1901, кн.2, стр.70). "В прошлом году генерал Фрейман представил меня в унтер-офицеры. Я существовал этой бедной надеждою до конца марта текущего года; а перед самой Пасхой почта привезла приказ майора Л<ьво>ва, чтобы взять меня в руки и к его приезду непременно сделать меня образцовым фрунтовиком... Праздник прошел, и из меня, теперь пятидесятилетнего старика, тянут жилы по осьми часов в сутки!" (Из письма А.Н.Плещееву от 6 апреля 1855). "Каким родом могло быть предпочтено представлению генерала предствление майора? Это для меня вопрос темнее безлунной ночи". (Б. Залескому - от 10 апреля того же года).

Майора Львова, достаточно полно описанного самим Шевченко, можно считать одной из наиболее мрачных фигур Дневника.

ЛЮДВИГ - см. Балинский Л.

В письме от 3 июля 1856 г. Б. Залеский называет "Людвига" как человека, который может продиктовать поэту новый адрес его, Залеского, возвращающегося из ссылки. ("Листи до Т. Г. Шевченка", стр.87). В комментариях к письму ошибочно утверждается, что упо мянутый Людвиг это Л. Турно. (стр.253).